

*Е. И. Сумбурова
Самара*

Педагогические курсы и учительские съезды в Самарской губернии (вторая половина XIX — начало XX вв.)

Учительская профессия — дело в высшей степени живое и серьезное, требующее от педагога массы разнообразных сведений, постоянного обновления запаса своих знаний. Педагогу нельзя стоять на месте, почивать на лаврах от уверенности, что он все уже знает. Как он будет заботиться о развитии детей, если сам не занимается самообразованием? Особенно остро эта проблема во второй половине XIX — начале XX в. стояла среди учителей и учительниц начальных школ, так как они получили скудное образование и были лишены возможности пополнять его из-за отсутствия библиотек в селах и деревнях. Вопрос об улучшении профессиональной подготовки учителей занимал в этот период умы российской педагогической и земской общественности.

Русская начальная школа появлением учительских курсов и педагогических съездов была обязана, в первую очередь, земствам. Первые педагогические собрания были организованы не правительством, не учебной администрацией, а органами местного самоуправления¹. Причиной появления курсов стал недостаток педагогических кадров в начальных школах. Учительские собрания, на тот момент, являлись удобной формой кратковременной школы, где учитель не только знакомился с улучшенными способами преподавания школьных предметов, но и при помощи обмена мнений достигал более правильного взгляда на свое назначение как учителя и на роль начальной школы в деле образования и воспитания народа.

В истории педагогических курсов, проходивших во второй половине XIX — начале XX в. в Самарской губернии, можно выделить два периода. На первом этапе учительские собрания были довольно распространенным явлением. Органы общественного самоуправления губернии постоянно устраивали педагогические съезды и курсы в 1869–1874 гг. Проходили они, как правило, в каникулы в уездных городах. Инициатором открытия курсов выступала местная учебная администрация. Активную роль в становлении педагогических съездов в Самарской губернии сыграл первый инспектор народных училищ П. Ф. Книзе. При его участии были организованы более десяти курсов в пяти уездах края: Бузулукском, Самарском, Ставропольском, Николаевском и Новоузенском².

Организация первых учительских собраний вызвала недоумение и живой интерес у представителей самарского земства. Они с любопытством узнали о новом деле. Например, П. Ф. Книзе сообщал в письме губернатору Г. С. Аксакову, что на его предложение Николаевскому уездному собранию провести в Николаевске летние курсы для учителей последовало двухминутное молчание, а затем — вопросы и оживленное обсуждение. В итоге, было принято решение организовать в Николаевске с 1 августа по 15 сентября 1870 г. учительские курсы, куда пригласить 31 учителя и выделить на их устройство 465 руб.³

На Новоузенском съезде 1874 г. присутствовало 56 учителей, два специалиста — педагога, инспектор народных училищ Самарской губернии. Расходы на организацию и проведение учительского собрания составили 1310 руб. 10 коп.⁴

Летом 1875 г. в Самарском уезде в течение 1,5 месяцев проходил учительский съезд. За это время наставники курсов — преподаватели Самарской учительской семинарии и земской школы по приготовлению сельских учительниц познакомили курсистов не только с методикой обучения, но и с новыми научными данными, пособиями и играми. Каждый учитель получил в качестве пособия на проживание в Самаре 7 руб.⁵

Занятия на самарских педагогических курсах проводились согласно программе, разработанной П. Ф. Книзе. Главной целью курсов, по его мнению, являлся показ приемов преподавания, при которых учащиеся легче бы справлялись с учебой. Исходя из этого, занятия делились на теоретические и практические. На теоретических занятиях речь шла о подготовке пробных уроков, обсуждались способы обучения чтению, письму и арифметике, учебные пособия и руководства. На практике учителя-курсисты в организованной при курсах школе давали уроки, иногда им предоставлялась дополнительная возможность познакомиться с переплетным мастерством, рукоделием, гимнастическим искусством или руководством детским хором⁶.

Слушатели курсов представляли собой людей, не получивших достаточного общего образования, не говоря о специальной подготовке. Поэтому программа курсов часто не выполнялась. Вместо ознакомления с лучшими методами и приемами преподавания руководителям приходилось знакомить слушателей с элементарными знаниями.

Земство на данном этапе не вмешивалось в руководство педагогических курсов и только оказывало им материальную поддержку. Оно обеспечивало проезд учителей к месту проведения курсов на земских лошадях, выплачивало пособия на проживание, закупало необходимую литературу. Расходы земских органов самоуправления на педагогические собрания, как правило, составляли от 250 до 500 руб. в год.

С 1875 г. педагогические курсы перестают созываться по ряду причин. Во-первых, в Самарской губернии начали функционировать две постоянных учительских школы: правительственная мужская семинария и женская земская школа, готовившие профессиональные кадры для начальных школ. Во-вторых, в политике правительства произошел поворот: 5 августа 1875 г. были изданы «Правила о временных педагогических курсах для учителей и учительниц начальных народных училищ» (действовавшие до 1906 г.), которые регламентировали организацию курсов, но не содействовали их развитию. «Правила» сужали программу занятий, ограничивали роль руководителей, устанавливали чрезвычайно стеснительные правила для учредителей и для самих участников, подвергали предварительному утверждению в попечительствах учебных округов не только лекторов, но даже списки учителей. Характер учительских собеседований из этих курсов был совершенно устранен, вся организация курсов подлежала самой мелочной административной опеке⁷.

В период с 1875 по 1890 гг. число проводимых учительских собраний резко сократилось, и в основном устраивались учительские съезды. Так, например, в 1882 г. в Самарской губернии были созданы съезды в Бугурусланском уезде

под руководством бывшего инспектора народных училищ И. Я. Терсинского и в Бузулукском — под руководством П. Ф. Книзе. На Бугурусланском съезде обсуждались вопросы, касающиеся положения школьного дела (неудовлетворительное состояние школьных помещений, не отвечающих элементарным требованиям гигиены; одновременное поступление учеников в сельские школы; максимальное количество учащихся, приходящихся на одного учителя; вопрос о нравственном влиянии учителя на учеников и т. д.). Съезд, по отзывам участников и наблюдателей, произвел благоприятное впечатление характером своих занятий, в которых учащий персонал принимал самое активное участие⁸.

В 1890/91 учебном году в Самаре с разрешения попечителя Казанского учебного округа ежемесячно проходили собрания учителей городских приходских училищ. Целью этих встреч являлось посещение и последующее обсуждение показательных уроков своих коллег, что подвигло дирекцию народных училищ Самарской губернии инициировать педагогические собрания городских учителей. Директор училищ М. Н. Грифцов в одном из своих отчетов сообщал, что учителя отвыкли читать книги педагогического содержания и ведут свои занятия по давно наработанной методике. Участие в критической оценке увиденного урока послужит толчком к самоусовершенствованию, а также покажет пример неопытным учителям. Всего состоялось семь таких собраний⁹.

В 1897–1898 гг. педагогические курсы были устроены в Ставропольском уезде. В их работе приняли участие 83 человека под руководством инспектора народных училищ Г. А. Гравицкого. Из 130 пробных уроков, данных учителями на курсах, 114 были оценены руководством на «хорошо» и «отлично». На курсах обсуждались такие вопросы, как основные задачи народной школы и главные начала обучения в ней; сущность звукового метода и условия правильного его применения при обучении грамоте; дисциплина и внимание учеников; личность народного учителя и т. д.

Результаты курсов в педагогическом отношении были весьма благотворными. Участники сообщали, что курсы помогли им глубже понять свою деятельность, освежить и обновить в памяти педагогические познания, обменяться мыслями и опытом с товарищами¹⁰.

С конца 1890-х гг. педагогические собрания пережили второе рождение. Земства вновь вернулись к идее устройства учительских курсов, но под влиянием времени изменился их характер. Курсы получили научное содержание, так как слушатели имели специальную подготовку, и им требовалось лишь пополнить свой багаж знаний, расширить кругозор за счет предметов, не изучаемых в педагогических учебных заведениях, но необходимых для современной жизни. Курсисты являлись активными слушателями. Они вели конспекты, писали рефераты, участвовали в обсуждениях волнующих их тем.

Несмотря на все ограничения, которыми была обставлена организация курсов и учительских съездов, самарское земство понимало их крайнюю необходимость. В докладе Губернской земской управы 1899 г. прозвучало следующее: «Земство, идя навстречу запросам народной среды, а главное — изменившимся условиям экономической и общественной жизни страны, требует от современной начальной школы больших знаний, чем одна простая грамота. Народная школа должна не только учить, но и воспитывать, кроме того, народная школа не должна покидать крестьянских детей и после оставления ими школы. Воспитание и

внешкольное образование народа — вот две новые обязанности, возложенные на учителя народной школы»¹¹.

Это, конечно, идеальные представления о роли учителя. На самом деле, земские гласные знали о крайне тяжелых условиях самообразования народных учителей и учительниц. Лишенные общения друг с другом, не имеющие ни книг, ни журналов, ни учебных пособий, разбросанные по глухим селам среди некультурного, часто невежественного населения, народные учителя были предоставлены сами себе. Деревенская обстановка действовала зачастую разрушающим образом на стремление к самообразованию, а умственный застой нигде не имеет таких губительных последствий, как в педагогической деятельности. Выход из данной ситуации общественные деятели второй половины XIX — начала XX в. видели в организации учительских курсов и педагогических съездов, которые, по их мнению, обеспечивали бы участникам собраний необходимый подъем духа, любовь к своему делу и веру в себя. «Понятно для каждого, что учительская профессия и при более солидной общей и специальной подготовке требует безостановочной работы для расширения образования преподавателя, без чего последний неминуемо превращается в «мастера», шаблонно обучающего лишь механическим навыкам чтения, письма и счета»¹².

После неудачных попыток ряда земств организовать учительские курсы в уездах (Бузулукском, Новоузенском) было принято решение устроить общегубернский съезд с привлечением в качестве руководителей известных, опытных и талантливых российских педагогов. Новый период в истории курсов отличался более серьезным развитием и прочной организацией. Земство взяло на себя функцию устроителя педагогических съездов. Оно выходило с инициативой открытия курсов перед попечителем Казанского учебного округа и губернатором, выделяло средства на проживание приглашенных учителей и оплату труда лекторов. При этом земство старалось устраивать не только специально-педагогические курсы, но и общеобразовательные.

В 1901–1902 гг. в Самаре усилием губернских органов самоуправления и дирекции народных училищ были организованы педагогические курсы с широким участием народных учителей и учительниц края. Курсы прослушали более 400 человек. Расходы на их организацию за два года составили 16 500 руб., включая оплату труда лекторов, проживание и питание учителей в Самаре, организацию экскурсий и т. д. В работе педагогических курсов приняли участие профессор Московского сельскохозяйственного института Н. И. Боголюбский, преподаватель Пажеского корпуса Я. И. Ковальский, профессор Киевского университета И. А. Сикорский, профессор Юрьевского университета Г. В. Хлопин, а также лучшие силы местной педагогической школы.

В течение месяца в помещении Самарской губернской земской управы шли занятия по Закону Божьему, гигиене, психологии, русскому языку и мироведению (естествознанию). Для лучшего усвоения методических приемов при курсах была открыта образцовая школа с тремя отделениями (30 человек), где каждое утро с 8 до 10 часов велись учебные занятия. Кроме того, слушатели обучались хоровому пению, игре на скрипке и участвовали в практических занятиях по физике. Во время большой перемены курсисты пили чай с белым хлебом и отдыхали. Затем шло обсуждение уроков, беседы по волнующим учителей вопросам, обед и дополнительные занятия на скрипке. Проживали курсисты в помещении

Самарского 6-классного городского училища, а курсистки — в общежитии земской школы сельских учительниц¹³.

Наибольший интерес среди слушателей вызвали лекции по психологии профессора Киевского университета И. А. Сикорского. Слухи о нем, как о талантливом профессоре-психологе и сердечном человеке, основанные на отзывах студентов, учеников, и знакомстве с его печатными трудами, волновали курсистов и весь педагогический персонал Самары. Его лекции привлекли массу посторонних посетителей, желавших услышать живое слово авторитетного ученого. Несмотря на страшную летнюю духоту, переполненный слушателями зал с закрытыми дверями и окнами обращался в один слух и одно внимание. Курсисты с затаенным дыханием следили за каждым словом профессора, стараясь записать в тетрадь каждую его фразу. В благодарность за доставленное удовольствие и пользу от лекций слушатели педагогических курсов 1902 г. преподнесли И. А. Сикорскому адрес со словами восхищения и уважения¹⁴.

Педагогические курсы 1901–1902 гг. прошли с большим успехом и пользой для учителей Самарского края. Добросовестное отношение к занятиям курсистов, удачный выбор руководителей и талантливых лекторов, материальная поддержка Самарского губернского земства способствовали успеху этого начинания. В отзывах учителей — участников курсов сохранились самые теплые воспоминания о проведенном в Самаре времени. В заключение курсов организаторы организовали для учителей и преподавателей речную прогулку по Волге с остановкой у Жигулевских гор, с военным оркестром и обедом¹⁵.

Среди всеобщего восхищения и радостного настроения в анкетах курсистов встречались и негативные отзывы о педагогических курсах. Так, например, по мнению одного участника, было затрачено огромное количество средств — лучше бы на эти деньги закупили книги и раздали их учителям. Другой учитель отметил, что в связи с большим объемом информации он ничего не смог усвоить, а третий указал на плохие условия проживания учителей: пыль, грязь, теснота¹⁶.

Уже при организации педагогических курсов в 1902 г. Самарская губернская земская управа столкнулась с целым рядом трудностей. Например, ей было отказано в разрешении пригласить наиболее известных в то время знатоков педагогического дела, хотя от некоторых из них уже было получено согласие. Так, не смогли приехать в Самару Д. И. Тихомиров, Я. И. Душечкин, В. П. Вахтеров, Н. Ф. Бунаков, С. И. Шохор-Троцкий, С. Ф. Платонов. Министерство народного просвещения не одобрило участия знаменитых педагогов в провинциальных учительских курсах. Подобное отношение к педагогическим собраниям было вызвано общим направлением внутренней политики правительства, в частности в отношении земского самоуправления.

Самарское земство рассчитывало, что в течение 5–6 лет все учителя и учительницы края смогут посетить устраиваемые для них педагогические лекции. Но земству без объяснения причин не разрешили организовать курсы ни в 1903, ни в 1904 г. В итоге, разочаровавшись в устройстве педагогических съездов, местное самоуправление приняло решение не устраивать курсы у себя в крае, а выделять средства на командировки учителей в другие города. Желающих посетить столичные курсы было много, поэтому управы установили ряд условий. Командированные учителя должны были прослужить в земстве не менее 5 лет. Из одного села отправлялся один учитель, а уже бывший на курсах мог рассчиты-

вать на повторную поездку только в случае отсутствия других кандидатов¹⁷. Так, например, в 1912–1913 гг. 104 самарца посетили педагогические курсы в Киеве и Москве¹⁸. Курсы в Москве носили общеобразовательный характер, где за 34 дня были прослушаны лекции по 22 предметам. Курсисты отметили увлекательность и полезность курсов, но главным минусом организаторов, по их мнению, явилась слишком высокая плата за отдельные практические занятия. В целом учителя писали в своих отчетах, что «курсы дали толчок к самообразованию», «душа облагораживается, слетает темный налет». Ряд учителей пришли к выводу, что нужно устраивать педагогические собрания у себя в губернии. Пусть они проиграют в научном плане, но их сможет посетить большее число педагогов, которые приобщатся к общеземским делам¹⁹.

После издания «Временных правил о собраниях» в 1906 г., сложное и ответственное дело по организации учительских курсов в Самарской губернии взяло на себя Самарское общество народных университетов. Эта общественная организация обладала достаточно ограниченными средствами, и, если бы не поддержка Санкт-Петербургской педагогической академии, курсы в Самаре вряд ли бы состоялись.

Педагогическая академия, открытая в 1907 г., в основу своей деятельности положила новейшие принципы всестороннего изучения детской души. Основные положения нового направления педагогической науки — дать ребенку то, что требуется его природой, вести воспитание и обучение в соответствии с законами развития ребенка. Эти принципы Педагогическая академия распространяла во время выездных сессий в разные регионы страны.

В августе 1909 г. по приглашению Самарского общества народных университетов в Самаре в течение двух недель читали лекции преподаватели Санкт-Петербургской академии. В числе слушателей присутствовали 200 учителей и учительниц губернии, которые с неослабевающим вниманием занимались на лекциях и практических работах. С лекциями выступили: приват-доцент К. Н. Кржишковский (физиология и нервная система), Н. Е. Румянцев (экспериментальная психология), профессор А. П. Нечаев (педагогическая психология), приват-доцент А. С. Грибоедов (патологическая педагогика). В распоряжении Общества народных университетов отсутствовали специальные средства, поэтому за полный курс лекций была установлена плата в размере 6 руб. (для сравнения: в Нижнем Новгороде курс похожих лекций стоил 12 руб., а в Санкт-Петербурге и Москве — 30 руб.). Когда поступило частное пожертвование в 300 руб. для взноса за неимущих учителей, совет Общества снизил плату для нуждающихся до 3 руб., а некоторых и вовсе от нее освободил.

Ввиду огромного интереса, проявленного самарскими учителями к курсам, совет Общества принял решение организовать цикл лекций по разным педагогическим дисциплинам и в следующем 1910 г. В ответ на ходатайство Общества в Педагогическую академию пришел ответ, что в виде благодарности за щедрый дар самарского благотворителя, пожелавшего остаться неизвестным, все расходы, связанные с поездкой лекторов в Самару и высылкой необходимых пособий, будут оплачены Академией, а лекции для всех педагогов Самарской губернии будут бесплатными.

С 8 по 30 июня 1910 г. в Самаре вновь проходили педагогические курсы, где читали лекции столичные преподаватели. Лекции проходили в помещении

цирка, прекрасно приспособленного для чтения и предоставленного его владельцами — братьями Калининными — бесплатно. Среди постоянных слушателей курсов, число которых составило 616 человек, 323 чел. (52 %) являлись учителями земских школ, 118 чел. (19 %) — преподавателями городских приходских училищ, 57 (9 %) — обучали детей в церковно-приходских школах. Остальные слушатели являлись учителями средних учебных заведений (28 чел.), министерских училищ (27 чел.), представителями других профессий. Если рассмотреть распределение учительского персонала по уездам Самарской губернии, то мы увидим, что больше всего учителей было из Самары и Самарского уезда — 256 человек. Из Новоузенского уезда — 100 чел., из Бузулукского — 80, из Бугурусланского, Бугульминского, Николаевского и Ставропольского — примерно по 30 чел. из каждого уезда. Не все желающие смогли попасть на педагогические лекции из-за отсутствия средств на дорогу до Самары: заявок на участие было принято больше, чем прибывших курсистов. Так, например, один учитель из Бугульминского уезда большую часть пути до Самары преодолел пешком, а это более 100 км.

Педагогические лекции 1910 г. состояли из двух частей. Первый цикл носил общепедагогический характер, где рассматривались вопросы по истории педагогики за рубежом и в России. Затем выступили уже знакомые самарцам преподаватели Академии с лекциями по педагогической психологии, физиологии нервной системы, школьной гигиене и другим наукам. После того, как были выяснены общие вопросы воспитания и обучения, начался ряд лекций по методикам главных предметов начальной школы: по математике (С. И. Шохор-Троцкий), по естествоведению (М. М. Соловьев), по русскому языку (Н. К. Кульман). В ходе занятий лекторы проводили практические работы с демонстрацией различных опытов, беседы по группам и при участии всех слушателей. Живой обмен мнениями, активное участие курсистов, деловая обстановка во время занятий — все это преисполнило как профессорский состав, так и учителей чувством глубокого удовлетворения, что проявилось в целом ряде адресов, телеграмм и речей. Закончились курсы экскурсией в Жигулевские горы на частном пароходе²⁰.

В ходе проведенного среди слушателей педагогических курсов анкетирования выяснились интересные и поучительные факты. Большинство на вопрос о предмете, которого не хватало на курсах, указали на общеобразовательные и общенаучные дисциплины: историю литературы, историю всеобщую и русскую, естествознание, математику. Некоторые опрашиваемые указали на такие предметы, как введение в философию, логику, социологию, историю искусств, медицину и др. Столь обширный перечень недостающих дисциплин, несомненно, указывает на то, какую потребность в знании испытывал народный учитель и как ограничена была получаемая им профессиональная подготовка. Ряд слушателей высказали пожелание, чтобы при лекциях была организована образцовая школа. Считалась желательной выставка руководств и наглядных пособий с продажей их по доступным ценам. Помимо проблем научного и организационного характера, были затронуты вопросы, которые ставили перед учителями жизнь и профессиональная деятельность. Так, прозвучала мысль о том, чтобы на лекциях освещались вопросы о детских болезнях, о закаливании детского организма, о борьбе с детскими пороками, ведении повторительных занятий с бывшими учениками, о личности учителя, его внешности, одежде и манере держаться и

проч. Была затронута и одна из наиболее чувствительных и болезненных проблем в жизни народного учителя — его материальная необеспеченность. Несмотря на то, что лекции для самарцев были бесплатными, расходы на проезд и проживание в городе для многих, особенно для семейных, оказались непосильными. В одной анкете было высчитано, что эти расходы превысили 11 % всего годового жалования учителя.

На самарских педагогических курсах 1909 г. присутствовал будущий автор повести «Ташкент — город хлебный» А. С. Неверов, тогда еще учитель Письмирьской школы грамоты Ставропольского уезда Александр Скобелев²¹.

Анкеты слушателей и удачный двухлетний опыт устройства педагогических курсов побудили руководителей Самарского общества народных университетов обратиться к профессорско-преподавательскому составу Санкт-Петербургской педагогической академии с предложением провести лекции и в 1911 г. В ответ поступило пожелание организовать в Самаре, как центре огромного района, своего рода летний филиал Академии, с тем чтобы в течение ряда лет все желающие учителя могли пройти полный курс Педагогической академии, не покидая своего города.

Педагогические курсы в Самаре в 1911 г. не были открыты из-за отсутствия средств²². Обратившись к уездным земствам с просьбой поддержать курсы и оказать финансовую помощь, совет Общества народных университетов получил практически от всех управ отказ по какой-либо причине, за исключением Бугульминской уездной и Бузулукской городской управ²³.

Самарское земство на этом этапе было увлечено идеей организовать в Самаре постоянные двухгодичные педагогические курсы. Для этого было решено познакомиться с организацией подобных курсов в других земствах России: Тверском, Ярославском, Харьковском, Воронежском. Но в дальнейшем этот проект был заменен решением об учреждении в Самаре Высшего женского педагогического института, открытие которого состоялось 29 октября 1917 г.²⁴

По примеру земств церковно-учебное ведомство, начиная с 1894 г., стало организовывать педагогические курсы для преподавателей церковно-приходских школ. Для этих целей в Самарской губернии был установлен ежегодный сбор с церкви — 3 руб., с причта и церковных попечителей — 1 руб.²⁵

Первый опыт педагогических курсов для учителей церковно-приходских школ показал, насколько необходимы были данные мероприятия. Курсист С. Знаменский в статье в местной газете поделился своими впечатлениями от курсов, прошедших в селе Екатериновке в 1895 г. Он писал, что учителя приехали на занятия с опаской, ожидая, что их будут экзаменовать, а за неправильные ответы наказывать. Но к концу первой недели все курсисты втянулись в работу. Занятия приняли характер оживленный, практиканты начали советоваться между собой, а кое о чем и спорить. В итоге, к окончанию курсов многие учителя заявили о пользе занятий и с благодарностью отзывались о руководителях и организаторах педагогического съезда²⁶.

Курсы для учителей церковно-приходских школ устраивались согласно утвержденным в 1898 г. Училищным советом при Синоде «Временным правилам для устройства учительских курсов» сроком на один месяц. Курсы для учителей проводились как в Самаре, так и в уездах. Например, в 1899 г., кроме самарских епархиальных курсов, на которых присутствовало 117 учителей, занятия прохо-

дили еще в 20 пунктах губернии для 480 преподавателей²⁷. Всего на содержание курсистов и проезд учителей к месту занятий было затрачено 2500 руб. из средств благотворительных округов. Главным недостатком курсов для учителей церковно-приходских школ можно считать отсутствие заранее подготовленных и продуманных программ учебных занятий, когда руководители на бегу и по ходу дела составляли планы лекций и практических уроков.

Курсы, в основном, носили церковно-певческий характер. Например, в Самаре с 15 июня по 20 июля 1913 г. проходили курсы под управлением епархиального наблюдателя церковных школ А. М. Никольского, в которых приняли участие 117 учительниц края. На курсах преподавались церковное пение (руководитель — И. В. Кусков из Оренбургской учительской семинарии), хоровое пение (учительница Обшаровской Свято-Екатерининской второклассной школы А. И. Анихнова), Закон Божий (инспектор курсов), русский и церковно-славянский языки и арифметика (преподаватели Самарской церковно-учительской школы В. Д. Бережков и А. Д. Воздвиженский). Кроме того, в качестве лекторов были приглашены: преподаватель Самарской духовной семинарии В. Я. Арефьев для чтения лекций по педагогической психологии, преподаватель Самарской церковно-учительской школы П. И. Филатов для ознакомления слушательниц с методикой преподавания в начальной школе отечественной истории и географии. Доктор медицины Н. К. Иванов прочитал лекции по гигиене и борьбе с алкоголизмом, а с преподаванием гимнастики курсисток знакомила учительница Свято-Екатерининской второклассной школы С. Н. Васильева.

Занятия на курсах разделялись на теоретические (разбор уроков практикантов, методические беседы), практические (в организованной при курсах женской школе) и самостоятельные (составление конспектов уроков, чтение педагогической литературы).

Жили и питались слушательницы курсов в здании Самарской духовной семинарии. В свободное от занятий время курсистки посетили ряд самарских достопримечательностей — храмы города, музей императора Александра II, электрическую городскую станцию и свечной епархиальный завод. У учительниц, впервые приехавших в Самару, экскурсии вызвали откровенный восторг и восхищение.

По окончании курсов все слушательницы были подвергнуты экзамену по пению и, в зависимости от способностей, получили либо свидетельства на право управления школьным хором, либо удостоверения о посещении курсов²⁸.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось бы выделить следующие моменты. Во-первых, педагогические курсы, проводившиеся во второй половине XIX — начале XX в. в Самарской губернии, в своем развитии прошли несколько этапов. Различия касались, главным образом, характера и целей курсов. Так, курсы 1875–1890-х гг. были призваны знакомить малоподготовленных учителей с лучшими способами обучения и пополнять их сведениями о преподаваемых предметах. Педагогические собрания в данный период имели методический характер и были направлены на усовершенствование начального образования, например, знакомили курсистов со звуковым методом обучения чтению.

Курсы, организуемые в начале XX в., преследовали более широкие задачи. Они давали возможность учителям проверить свой опыт опытом известных педагогов-руководителей и вместе с тем ставили своей целью пробуждение в

учителях стремления к самообразованию, расширению мировоззрения при помощи лекций по истории, психологии и мироведению²⁹.

Во-вторых, организаторы педагогических собраний в Самарской губернии столкнулись с рядом трудностей: несовершенное законодательство, получение разрешения в Казанском учебном округе и Министерстве народного просвещения, поиск талантливых лекторов, обеспечение проезда и проживания учителей на время курсовых занятий и др.

В-третьих, необходимо отметить несомненную заслугу самарского земства, руководства самарской епархии, дирекции народных училищ губернии и общественных организаций в становлении и развитии педагогических курсов и учительских съездов Самарского края.

В целом, в истории народного образования России до 1917 г. учительские курсы сыграли значительную роль, позволяя в кратчайшие сроки восполнить пробелы в знаниях народных учителей, побуждая их к саморазвитию, усовершенствованию педагогической деятельности и способствуя подъему нравственного духа народного учителя и возвышению его личности в собственных глазах. Живое общение с коллегами, посещение лекций талантливых педагогов и ученых, убеждение в значимости своего труда укрепляли в учителях решимость заниматься обучением и воспитанием детей, несмотря на скудное содержание и полную необеспеченность в будущем.

Примечания

- 1 *Феликсов Н. А.* Педагогические и учительские съезды // Русская мысль. 1896. Кн. IX. С. 1–28.
- 2 ГАСО. Ф. 361. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–26; Д. 82. Л. 1–27; Д. 167. Л. 1–74 об.; Д. 180. Л. 2–37; Д. 196. Л. 1–9.
- 3 Самарские губернские ведомости. 1870. 30 мая.
- 4 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 212 об.
- 5 Краткий исторический очерк деятельности Самарского уездного земства по народному образованию с 1865 по 1899 год. Самара, 1899. С. 19.
- 6 Самарские губернские ведомости. 1870. 13 июня.
- 7 Доклад Самарской губернской земской управы XL-му очередному губернскому земскому собранию. О педагогических курсах. Самара, Б. г. С. 1.
- 8 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 212 об.
- 9 Там же. Ф. 360. Оп. 42. Д. 10. Л. 1.
- 10 *Гравицкий Г. А.* Краткосрочные педагогические курсы в посаде Мелекесе, Самарской губернии, летом 1897 и 1898 гг.: Материалы из отчета инспектора народных училищ, руководившего курсами. Самара, 1899. С. 3–14.
- 11 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 212–212 об.
- 12 Там же.
- 13 НА РТ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2234. Л. 2–2 об.
- 14 Отчет о краткосрочных педагогических курсах, бывших в г. Самаре с 4 июня по 4 июля 1902 года. Самара, Б. г. С. 1–15.
- 15 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 213–214 об.
- 16 Там же. Ф. 360. Оп. 53. Д. 13. Л. 1–61.
- 17 Бюллетени справочного бюро отдела народного образования Самарской губернской земской управы. Самара, 1914. Вып. 3. С. 224.
- 18 Самарское губернское земское собрание. XLIX очередная сессия: Доклад губернской земской управы. Б. г.; Известия по народному образованию. 1915. Май. С. 129–153.
- 19 *С. Р.* Летние курсы в Москве (что они дали народному учителю) // Вестник Новоузенского земства. 1912. № 5. С. 98–121.
- 20 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 215–217.
- 21 *Фатов Н. Н.* А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества. Л., 1926. С. 26.

- 22 ГАСО. Ф. 5. Оп. 9. Д. 793. Л. 217–218 об.
- 23 Там же. Ф. 299. Оп. 1. Д. 32. Л. 197–206, 298.
- 24 Волжское слово. 1917. 31 октября. С. 3.
- 25 Самарские епархиальные ведомости. 1895. 1 сентября.
- 26 Там же. 15 октября.
- 27 Там же. 1900. 1 января; 1 июня.
- 28 *Никольский А. М.* Отчет Самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Самарской епархии в 1912–1913 учебном году. Самара, 1914. С. 58–63.
- 29 Первое дополнение к Сборнику постановлений Самарского губернского земского собрания по народному образованию за время с 1900 по 1903 г. включительно. Самара, 1904. С. 37.

*О. Г. Герасимова
Москва*

Общественно-политическая жизнь студенчества в эпоху «оттепели»: МГУ им. М. В. Ломоносова

Период середины 1950-х – середины 1960-х гг. в истории СССР ознаменовался рядом событий, повлиявших на многие стороны жизни не только в нашей стране, но и за рубежом. И среди них особое место занимает XX съезд КПСС с закрытым докладом Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». По поводу значения XX съезда существует множество точек зрения о его роли в общественно-политической жизни страны – от преувеличенно подчеркивающих до низводящих ее на нет.

Выступление Н. С. Хрущева 25 февраля 1956 г. было продиктовано, в первую очередь, не стремлениями восстановить попорченную справедливость, а явилось тактическим шагом на пути сосредоточения полновластия в своих руках, что прекрасно понимала определенная часть советского общества, среди которой находились и студенты. Это понимание подтверждалось и дальнейшими событиями: «закручиванием гаек» во всех областях – идеологии, культуре, науке, политике, затронувшем немалое количество населения. Достаточно вспомнить закрытое письмо ЦК КПСС «Об итогах обсуждения решений XX съезда» от 16 июля 1956 г.; обсуждение романа В. Дудинцева «Не хлебом единым»; Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий»; реакцию советского руководства на события в Польше и Венгрии; еще одно закрытое письмо ЦК КПСС от 19 декабря 1956 г. «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». Заметим, что в статье специально не рассматриваются отклики университетской молодежи на решения XX съезда. Влияние отмеченного политического события на умонастроения студенчества прослеживается в формах и характере выступлений последнего.

Одной из проблем изучения жизни советского общества в 1953–1964 гг. является проблема реконструкции жизни студенчества Московского университета, ее сути и динамики. Изучение поколения, в 1950–1960-е гг. переживавшего свою молодость и формирование мировоззрения, важно для понимания изменений, происшедших в нашей стране в перестроечный и постперестроечный перио-